

*E.S. Shevchenko
(Samara)*

THE LIFESTYLE OF Ilya ZDANEVICH

Abstract: *The article deals with the interaction of everyday and aesthetic in the creative behavior of avant-garde artist Ilya Zdanevich. On the example of «Iliazda» the author shows that Zdanevich's literary text is also a life-text in which domestic behavior receives aesthetic refraction, is removed and mythologized.*

Keywords: *anthropology of literature, futurism, Ilyazd, semiotics of everyday behavior, life-text, autobiographical.*

*А.Б. Карпенко
(Самара)*

ОБРАЗ РОССИИ В РЕМИНИСЦЕНТНОЙ ЛИРИКЕ В. НАБОКОВА И И. КНОРРИНГ

Аннотация: *в статье рассматривается реминисцентная лирика В. Набокова и И. Кнорринг. Феномен реминисцентного жанра в лирике поэтов-эмигрантов первой волны анализируется в связи с условиями, в которых формировалось их творчество: драматические коллизии революции, гражданской войны, утрата родового гнезда, тоска по России.*

Ключевые слова: *реминисцентная лирика В. Набокова, И. Кнорринг, образ России.*

Революция и последовавшая за ней гражданская война раскололи Россию, основы ее жизни, веры, культурной среды. Многие поэты и прозаики встали на сторону революции: А. Блок, В. Брюсов, М. Горький, С. Есенин, В. Маяковский, А. Толстой и др. Но были литераторы, которые не приняли новой власти, вынуждены были покинуть Россию (И. Бунин, М. Осоргин, А. Ремизов, И. Шмелев и др.) и воспринимали события революции как апокалиптические в библейском смысле слова. И. Шмелев в «Солнце мертвых» о трагедии России писал: «Ах, какой был чудесный оркестр – жизнь наша! Какую играл симфонию!.. И вот – сбился оркестр чудесный, спутались его инструменты, – и трубы, и скрипки лопнули... Шум и рев! И не попадись на дороге, не протяни руку – оторвут и руку, и голову, и самый язык из гортани вырвут, и исколют сердце».

Среди оказавшихся на чужбине поэтов первой волны эмиграции были В. Набоков и И. Кнорринг. Не только эмигрантские судьбы, но и мотивы их творчества сходны в том смысле, что оба они выразили в своей реминисцентной лирике не только трагедию расставания с прежней жизнью, но и неизбывную память о России, о родине.

О реминисцентной лирике можно говорить как об особом жанре поэзии, если иметь в виду характер повествования, особенности содержательной структуры и языка реминисцентных поэтических текстов. С семиотической точки зрения реминисценция предстает как особый код, актуализирующий образы прошлого. Повествование также отличается особым характером: выстроенное в жанре воспоминания, оно обеспечивает модус доверительного общения с читателем. Реминисцентное высказывание имеет и особую когнитивно-пропозициональную структуру, объектом пропозиции всегда служит то, к чему устремлена душа лирического героя (и «всё бывшее», и «что не сбылось»).

Реминисцентность сопровождает путь отечественной поэзии, оттеняя ее разными модальностями. В романтической поэзии В. Жуковского она элегична, в ней **модальность философского раздумья о жизни**, философия воспоминания как продолжения жизни и молодости: «Воспоминание и я — одно и то же: / Я образ, я мечта; / Чем старе становлюсь, тем я / Кажусь моложе» («К своему портрету»). В пушкинской лирике реминисцентность ментально-активна, динамична и чувственна: «Мечты кипят; в уме, подавленном тоской, / Теснится тяжких дум избыток; / Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток...» («Воспоминание»). В лирике А. Фета она сопряжена с танатосными мотивами прощания с любимой женщиной: «Ты отстрадала / Я еще страдаю... Я помню вспоминаю/ язык любви, цветов, ночных лучей...» («Ты отстрадала / Я еще страдаю»). В предсимволистской поэзии И. Анненского воспоминания эстетично-созерцательны, оттенены настроением «красоты утрат»: Ты не придашь мечтой красы воспоминаньям — / Их надо выстрадать, и дать им отойти, / Чтоб жгли нас издали мучительным сознаньем / Покатой легкости дельнейшего пути» («Любовь к прошлому»). Интенция есенинских реминисцентных строк связана с осмыслением прожитых лет и ориентирована к душевному покою: «*Не буди того, что отмечталось, / Не волнуй того, что не сбылось... (Письмо к матери)*». В поэзии И. Бродского находит выражение мотив исчерпанности воспоминания: Ни родины,

ни дома, ни изгнания, / забвенья — нет, и нет — воспоминания, / и боли, вызывающей усталость, / из прожитой любви не осталось... Таким образом, амплитуда реминисцентных модальностей и мотивов весьма широка.

Далее некоторые особенности реминисцентной лирики рассмотрим на примере творчества В. Набокова и И. Кнорринг. Если лирика В. Набокова в определенной степени изучена, то с поэзией И. Кнорринг, почти не известной в России, читатель познакомился лишь в последние годы. Феномен реминисцентного жанра в лирике поэтов-эмигрантов первой волны объясняется условиями, в которых формировалось их творчество: драматические коллизии революции, гражданской войны, изгнание, утрата родового гнезда, изоляция от Родины, скитания на чужбине, тоска по родной земле. Типичный объект воспоминания в русской эмигрантской поэзии — это родина, Россия. Тема памяти о России становится основной в их творчестве и обуславливает общность мотивов. В изгнании воспоминания служат для них главной интеллектуальной «средой обитания», средой интенсивной внутренней жизни, обостренной интеллектуальной работы, вслушивания в слово. Эту тему последовательно развивает В. Набоков. В условиях эмиграции он погружен в язык и мир воспоминаний: «Лишь отошла земля родная... мою тоску воспоминанья клянусь я царственно беречь...» («Герб»).

В художественном наследии В. Набокова воспоминание — излюбленная тема, к которой он обращается и в прозе («Рождество», «Круг», «Дар», «Весна в Фиальте»), и в поэтическом творчестве («Воскрешаю я все, что бывало...» («У камина»); «О звуки, полные былого!» («Домой»); «Позволь мне помнить холодок шемящий зеленых ландышей...» («Родине»); «Взгляну — и мне счастье вспомнится...» («Россия»)) [Карпенко 2013]. Тема памяти реализуется у В. Набокова в комплексе взаимосвязанных и созвучных мотивов: России, родины, русской природы, родного языка, родовой усадьбы, детства и под. Первые два в аксиологическом смысле являются наиболее значимыми и главенствуют в лирике В. Набокова. На пороге расставания с родиной поэт говорит о ней как о путеводной звезде, как о самом главном в своей жизни: «Ты — в сердце, Россия. Ты — цель и подножие, / Ты в ропоте крови, в смятенье мечты./ И мне ли плутать в этот век бездорожия?/ Мне светишь по-прежнему ты» («Россия»).

Набоков рисует Россию как живой образ, наполняющий все чувства лирического героя: «Не всё ли равно мне — рабой ли,

наёмницей / Иль просто безумной тебя назовут? / Ты светишь...
Взгляну – и мне счастье вспомнится... / Да, эти лучи не зайдут!.. /
Ты в страсти моей и в страданиях торжественных... Я слышу твой
реюющий зов». (Россия). Подобно И. Анненскому, он придает красоту
выстраданным воспоминаниям. Актуализируют художественный
дискурс детали реминисцентных пейзажей. Их реалии узнаваемы – это
картины русской природы: леса, дали, березы и рябины, струящиеся нивы,
васильки: «И люблю я, как льются под осень дожди, / И под пестрыми
кленами пеструю слякоть. / Есть такие закаты, что хочется плакать, /
А иному шепнешь: подожди. / Если ветер ты любишь и ветки сырые,
/ Божьи звезды и божьих зверьков, / Если видишь при сладостном
слове «Россия» / Только даль и дожди золотые, косые / И в колосьях
лазурь васильков, – / Я тебя полюблю, как люблю я могучий, /
Пышный шорох лесов, и закаты и тучи, / И мохнатых цветных червяков...». («Знаешь веру мою?»).
Но Набоков не склонен идеализировать события времени, он произносит
панихиду о погибающей «прежней» жизни: «Сколько могил, / Сколько
могил, / Ты жестока, Россия!/Родина, родина, мы с упованием, /
сырые, верные, греем последним дыханьем / Ноги твои ледяные...». («Панихида»).

Совпадающий в главном комплекс переживаний о покинутой родной
земле характерен и для лирики И. Кнорринг. В её биографии тоже
отразился путь эмиграции из мест, которые В. Набоков иносказательно
охарактеризовал «где время износилось»: Харьков, Батайск, Севастополь,
Бизерта (Тунис), Париж. В четырнадцатилетнем возрасте она пережила
трагедию бегства из России, которое описала в одном из стихов: «На
холод зловещий / Судьба взяла. / Тела вповалку, / На чемоданах...
Как омут бездонный / Зданье вокзала, / Когда по перрону / Толпа
бежала. / В парадных залах / Валялись солдаты. / Со стен вокзала /
Дразнили плакаты. / На сердце стоны: / Возьмут?.. Прицепят?.. /
Вагоны, вагоны – / Красные цепи» («Баллада о двадцатом годе»).

Долгий, мучительный путь от Севастополя до Бизерты на одном из
кораблей, которые перевозили в 1919 г. армию Врангеля и гражданское
население, бежавшее от революции и войны, сказался впоследствии
тяжелым, неизлечимым диабетом. Умерла Ирина Кнорринг в Париже,
в начале 1943 г., в возрасте тридцати семи лет, а родилась в родовом
поместье Кноррингов в селе Елшанка Самарской губернии в 1906 г.
При жизни поэтессы вышло два сборника ее стихов: «Стихи о себе»
(Париж, 1931) и «Окна на се-

вер» (Париж, 1939). Еще три сборника были опубликованы уже после её смерти: «После всего» (Париж, 1949), «Новые стихи» (Алма-Ата, 1967), «После всего»: Стихи 1920–1942 гг. (Алма-Ата, 1993). Как пишет исследовательница творчества поэтессы И.М. Невзорова, «лирика И.Кнорринг – одна из наиболее искренних и трагических страниц в истории русской поэзии XX века. Ее творческую манеру называли поэтикой мииминимализма; ей свойственна дневниковость, документальность, отсутствие декоративности и риторики. Стихи И. Кнорринг, сумевшей найти «новый трепет», выражающий мироощущение русских эмигрантов, стали энциклопедическими» [Невзорова 2009: 242].

Основной темой, сближающей творчество И. Кнорринг и В. Набокова, является тема родины. В ее стихах в тональности женского мироощущения звучат воспоминания о том, что окружало её в детские годы: «В окно смеётся синеватый день, / Ложатся на постель лучи косые. / Лиловая мохнатая сирень / Напоминает детство и Россию. / Стук сердца и тревожный стук часов. / А в сердце – дрожь, усталость и безволие. / И захотелось вдруг до слёз, до боли / Каких-то нежных, ласковых стихов» («В окно смеётся синеватый день...»). В стихотворении «Россия» узнаются реалии самарской Елшанки с ее большим озером, и сегодня окруженном серебристыми тополями: Р»оссия – плетень да крапива. / Ромашка и клевер душистый, / Над озером вечер сонливый, / Стволы тополей серебристых. / Россия – дрожащие тени, / И воздух прозрачный и ясный, / Шуршание листьев осенних – / Коричневых, желтых и красных... /. Но, помимо милых сердцу пейзажей, в стихах Кнорринг Россия – это и: глубокие стоны, / От пышных дворцов до подвалов, / Тревожные цепи вагонов / У душных и темных вокзалов. / Россия – тоска, разговоры, / О барских усадьбах, салазках... / Россия – слова из которых / Сплетаются милые сказки» («Россия»).

Оказавшись в эмиграции, И. Кнорринг тяжело переживала потерю связей с родной страной и постоянно возвращалась к мысли о необходимости возвращения в своем дневнике: «...Ехать в Россию – это только нам и остаётся! Я теперь считаю, что наша эвакуация была роковой ошибкой. Но ведь мы надеялись вернуться триумфаторами, а уж если это на веки вечные, тогда другое дело... Нет, надо ехать в Россию; страшно, но все равно, рано или поздно, мы вернемся... Пора!» («19 января /1 февраля 1921»).

Переживания эмиграции, чужбины, неволи, скитаний, неустроенности жизни, безысходности, невозможности возвращения –

ключевые темы поэзии Кнорринг. Ее стихи открывают душевный надлом переселенцев, мысленно не расставшихся с Россией, а продолжающих жить надеждой на возвращение: «Переплески южных морей / Перепевы северных выюг — / Все смешалось в душе моей / И слилось в безысходный круг...» («Переплески южных морей...»); «Ты мечтаешь: «Вот вернусь домой, / Будет чай с малиновым вареньем, / На террасе — дрогнувшие тени, / Синий, вечеряющий покой»... / Синий вечер затенит окно, / А над лампой — бабочки ночные... / — Глупый друг, ты упустил одно: / Что не будет главного — России» («Ты мечтаешь: «Вот вернусь домой...»); «Я в жизни своей заплуталась. / Забыла дорогу домой. / Бродила, смотрела, устала / И быть перестала собой» («О России»).

Сближения со стихами В. Набокова прослеживаются не только на тематическом уровне, но и на уровне переживаемых ментально-психических комплексов и художественной образности: мир отделен решеткой, по ту сторону окна — чужая жизнь, потеря родового гнезда мучительна, собственная жизнь лишена смысла. В. Набоков: «В неволе я, в неволе я, в неволе! / На пыльном подоконнике моем / Следы локтей. Передо мною дом / Туманится. От несравненной боли я изнемог...» («В неволе я, в неволе я, в неволе!»). И. Кнорринг: «Сколько слов и строчек четких / И ночей без сна / Умирало у решетки / Этого окна... / В отдаленьи — гул Парижа / (По ночам — слышней). / Я ведь только мир и вижу, / Что в моем окне» («Окно в столовой»).

Последние стихи поэтессы проникнуты мотивом безысходности, роковой предначертанности и сыну идти дорогой, проложенной судьбой родителей. Сын также обречен на «бездомные скитания»: «Что дали мы бессильному тебе? / Ни твердых прав, ни родины, ни дома. /

Пойдешь один дорогой незнакомой / Навстречу странной и слепой судьбе. / Пойдешь один. И будет жизнь твоя / Полна жестоких испытаний тоже. / Пойми: никто на свете (даже — я!) / Тебе найти дорогу не поможет» («Живи не так, как я, как твой отец...»).

Встреча с родиной всё же происходит. Она происходит в поэзии благодаря творческому русскому слову. О таком единении со словом в изгнании написал И. Бродский: «Я один на один с языком. Чувство языка обостряется. Независимо от того, каким образом ты его покидаешь, дом не перестает быть родным. Россия — это мой дом, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей... И — главное — ее языку» [Полухина 2009].

Поэтическое слово И. Кнорринг способно воссоздать ментальный образ России, наметить и ряд ассоциаций с русской культурой (сказки, колыбельная, Пушкин), и путь скитания русского человека, находящегося в поиске не материального, а духовного счастья. Стихи И. Кнорринг внутренне духовны, исповедальны. Они обращены к сыну, к потомкам с надеждой на понимание, на внутренний отклик.

А. Ахматова, говоря о И. Кнорринг как о поэте, оторванном от стихии языка, пишет: «Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно на Западе. Для неё судьба поэта тесно связана с судьбой родины... Это простые, хорошие, честные стихи» [Ахматова 1986: 217].

Со временем будут написаны солидные труды о творчестве И. Кнорринг, родившейся и воспитанной на самарской земле. Уже это обстоятельство наполняет гордостью за творчество рано ушедшей поэтессы, имя которой может быть соотнесено с именами классиков русской поэзии. Но без России, даже такой драматичной, какой она была в революционное время, имя Ирины Кнорринг не получило бы такого высокого звучания.

Список литературы

1. Ахматова А. Размышления о поэтах и современниках // Соч.: В 2 т. М., 1986. Т.2. Цит. по: Карпюк Г.В. Кнорринг// Русская литература XX века: Биобиблиографический словарь в 3 т.: под ред. Н.Н. Скатова.М.: ОЛМА- ПРЕСС Инвест, 2005. Т.2. С. 214.

2. Карпенко Л.Б. Семиотика художественного дискурса: приемы актуализации смысла (по рассказу В. Набокова «Весна в Фиальте») // Крымский набоковский сборник. Вып. 6. В.В. Набоков по обе стороны Атлантики. – Симферополь: «Бизнес-Информ», 2013. С. 41-52.

3. Невзорова И.М. Творческий путь Ирины Кнорринг (опыт становления русского поэта в изгнании) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, 4, 2009. С. 242.

4. Невзорова И.М. Ирина Кнорринг: Сны о России, 2010 [Электронный ресурс] // www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_36_343.html (дата обращения: 03.07.2017)

5. Полухина В. Иосиф Бродский: Мой враг – вульгарность // Российская газета – Федеральный выпуск № 5010 (186) <https://rg.ru/2009/10/02/brodskij.html>

6. Шмелев И. Солнце мертвых М.: Изд-во «Согласие», 2000 [Электронный ресурс] // http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/shmelev_sun.txt (дата обращения: 03.07.2017)

L.B. Karpenko
(Samara)

IMAGE OF RUSSIA IN THE REMINISCENT LYRIC OF V. NABOKOV AND I. KNORRING

Abstract: *The article deals with the reminiscent lyrics of V. Nabokov and I. Knorrning. The phenomenon of the reminiscence genre in the work of the emigrant poets of the first wave is considered in connection with the conditions in which it was formed: the dramatic collisions of the revolution, civil war, loss of the patrimonial nest, longing for Russia.*

Keywords: *the reminiscent lyrics of V. Nabokov, I. Knorrning, the image of Russia.*

E.A. Щепалина
(Самара)

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА С.Н. ДУРЫЛИНА

Аннотация: *в статье исследуется художественный язык С.Н. Дурьлина, вобравший в себя традиции русской классической литературы и испытавший влияние культуры модернизма. В произведениях Дурьлина высокая церковнославянская лексика соседствует с обиходно-разговорным языком, а мистические христианские символы с народным мифотворчеством.*

Ключевые слова: *художественный язык, С.Н. Дурьлин, церковнославянизмы, народное мифотворчество, «бытие-в-слове».*

Данная статья посвящена становлению художественного языка С.Н. Дурьлина. В творчестве писателя органично продолжается русская духовная традиция, сохраняется связь с «высшим/мистическим реализмом» Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, К.Н. Леонтьева. В то же время художественное слово Дурьлина испытало влияние поэзии символистов (А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова и т.д.), прозы религиозных неореалистов (А. Ремизова, И. Шмелева, Б. Зайцева и т.д.), работ деятелей русского религиозно-философского Ренессанса (Вл. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, прот. Павла Флоренского, Сергея Булгакова, В. Эрн и мн. др.).

Дурьлин начинает свой творческий путь как поэт, публикуя свои творения под различными псевдонимами (Сергей Северный,